

IVO POSPÍŠIL
Masarykova univerzita

СОВЕТСКИЕ ЖУРНАЛЬНЫЕ ДИСКУССИИ КОНЦА 60-Х И НАЧАЛА 70-Х ГГ. XX В. КАК ПРИЗНАК ВРЕМЕНИ

Так называемые толстые журналы зачастую играли в истории русской литературы и общественной мысли ключевую роль. Это касается главным образом Золотого и Серебряного веков русской литературы. Согласно статистике, относящейся к 1913 г., только в Санкт-Петербурге выходило свыше 1000 журналов, альманахов и других периодических изданий¹. То, что царская Россия страдала безграмотностью в смысле всеобщего недостатка печати, — ложь²; совсем другое — когда речь идет о массовой безграмотности населения, но и сейчас в самых развитых странах мира функциональная безграмотность является огромной проблемой.

Конец 1960-х гг. везде, по крайней мере в европейском и североамериканском пространстве, был одновременно и концом эпохи, начавшейся в середине 1950-х гг. В связи с различными политическими событиями, в том числе с разрядкой международного напряжения и популярной тогда теорией конвергенции, приведшей к совсем другой общественной атмосфере, с середины 1960-х гг. все начало изменяться, и пиком этого процесса стали: поражение Пражской весны в 1968 г., бунт левых на улицах Парижа и других городов Западной Европы, а также антимилиитаристские выступления в связи с войной в Вьетнаме. Начинается новый период, трезвый, прагматичный, связанный с концом

¹ [Б.п.], *Газеты и журналы дореволюционной России // Очаровательная Россия. Интересные факты о русской истории, культуре, традициях. Сайт об истории России*, http://www.charmingrussia.ru/2013/11/blog-post_22.html (09.02.2016).

² [Б.п.], *Ложь об отсутствии образования в Российской империи // Очаровательная Россия...*

иллюзий об общности интересов разных политических сил. Во время наших бесед с датским русистом и богемистом Эйгилом Стеффенсеном³ в середине 1980-х гг. он говорил мне о тотальном разочаровании в левых и о начале новой эпохи, более трезвой, но и одновременно серой и циничной. Те же самые изменения коснулись всего европейского пространства, но в соцстранах они имели специфический оттенок, в каждой стране — свой. В СССР это было связано с началом правления тандема Брежнев — Косыгин (1964 г.), который сначала проявил себя как более рациональный, по сравнению с иррациональным, слишком эмоциональным и непредсказуемым Хрущевым. Вскоре оказалось, что с приходом тандема наступил также новый период цензуры, автоцензуры и централизации, иногда называемый неосталинизмом. По Гегелю, речь в данном случае идет о типичном примере реализации закона отрицания отрицания — частичного возвращения, но не идентичности. В отличие от возвращения к романтизму, модернизму и, главным образом, к авангарду, который был характерен для эпохи «хрущевской оттепели», тут происходит обращение скорее к реализму или к полузабытым явлениям и в общем к пересмотру уже сложившихся моделей.

Выражением брежневской эпохи в теории является ряд книг и концепций, например, известная работа Игоря Смирнова *Художественный смысл и эволюция поэтических систем*⁴, в особенности же работы Льва Аннинского⁵ (главным образом *Трид-*

³ Эйгил Стеффенсен (Eigil Steffensen, 1927–2011) — выпускник знаменитой гимназии Рунгстед (Rungsted Gymnasium), потом студент Копенгагенского университета и Карлова университета в Праге, автор нескольких книг, в том числе о Достоевском и Чехове: *Крупные романы Достоевского (Dostojevskijs store romanecer, 1971)*, *Новая русская литературная критика: от Плеханова до Лотмана (Nyere russisk litteraturkritik: fra Plechanov til Lotman, 1973)*, *Достоевский в датской критике (Dostojevskij i dansk litterær kritik (1883–1945), 1977)*, *Чехов на пороге (Tjechov på tærskelen, 1982)* и др.; автор книги *Чехословацкий пример (Tjekoslovakiets eksempel, 1950)*, бывший датский коммунист, покинувший партию после венгерских событий 1956 г., освещал в прессе события Пражской весны 1968 г.

⁴ И.П. Смирнов, *Художественный смысл и эволюция поэтических систем*, Наука, Москва 1977.

⁵ См.: Л.А. Аннинский, *Ядро ореха. Критические очерки*, Советский писатель, Москва 1965; того же, *Обрученный с идеей (Николай Островский)*, Художественная литература, Москва 1971; того же, «Как закалялась сталь» Николая Островского, Художественная литература, Москва 1971; того же, *Василий Шукшин*, Союз кинематографистов, Москва 1976; а также более поздние работы, в том числе: Л.А. Аннинский, *Лев Толстой и кинематограф*, Искусст-

*цатье–семидесятые*⁶). Вновь актуализируются такие ключевые темы, как народ, нация, специфика России, всеобщий интерес к прошлому, забытому и подцензурному, правда о прошлом, о богатой истории и общественной мысли. Хотя тогда и казалось, что это только робкие, смиренные попытки возвращения, они стали началом подлинного, идейного переворота, коренного переосмысления пути России, начиная с Октября 1917 г. Эти важнейшие вопросы, однако, сливались с модными во всем мире «зелеными» темами — экологией, природой и любовью к старине, деревне, задушенной коллективизацией и индустриализацией, — все это оказалось связанным с понятием «деревенской литературы» (или «деревенской прозы»), с мифологизацией литературы. Усиливалась эстетическая функция литературы, обогащались ее художественные слои, ее поэтика — все это закончилось с гласностью и перестройкой, хотя парадоксальным образом упомянутые веяния предвосхитили неизбежность радикальных изменений.

Мы стоим перед вечной проблемой: история предлагает, по крайней мере, два пути развития, реформы, переосмысления, а именно: один — радикальный, но поверхностный, с неясными контурами и опасными результатами, другой — постепенный, реформистский, эволюционный, сулящий скорее преемственность, чем дисконтинуитет. Таким был, например, путь Ренессанса, который обещал постепенное развитие и интеграцию греко-римской классики и средневекового христианства, но стал радикальным переворотом и своего рода революцией, в которой многое приобреталось, но многое и бесследно исчезало. То же самое можно сказать применительно к романтизму: он мог бы продолжить путь классицизма и Просвещения, подобно тому как это вначале происходило в раннем немецком романтизме (*die deutsche Romantik*), но в результате обратился к радикальной переоценке, общественному протесту и бунту или же эскапизму, бегству в прошлое, экзотику, другие пространства. Вместо христианского Ренессанса, о котором пишет Николай Бердяев в *Смысле истории*, и просветительно-классицистического романтизма, как и в любой революции, происходят не только приобретения, но и большие потери.

во, Москва 1980; того же, *Лесковское ожерелье*, Книга, Москва 1982; а кроме того, статьи о Писемском, Лескове и др.

⁶ Л.А. Аннинский, *Тридцатье–семидесятые. Литературно-критические статьи*, Современник, Москва 1977.

Необходимо дифференцировать понятия «русское» и «советское», поскольку «советское» обозначало не только «русское». Таким образом, в некоторых соцстранах это различие использовали, чтобы начать более или менее массово переводить зачастую более интересные с точки зрения мифологических структур литературы Прибалтики (эстонскую, латышскую, литовскую), а также грузинскую и армянскую в связи с их публикациями на страницах русскоязычного толстого журнала «Дружба народов». У нас речь идет, однако, о русской советской литературе и о переосмыслении русской традиции в советскую эпоху рубежа 60–70-х гг. XX в.

Одними из первых теоретических экскурсов в прошлое и попыток переосмыслить истоки русской мысли были дискуссии, в которых толстые журналы сыграли исключительную роль. Здесь мы коснемся только двух представляющих собой характерные приметы времени дискуссий — о славянофилах и революционных демократах.

Время публикации оказывается началом новых идейных поисков, пусть пока и в рамках господствующей системы. Напрашивается вывод, что темы этих дискуссий связаны с определенным общественным интересом у советской интеллигенции. Усталость предыдущего периода, связанная с возвратом к модернистской и авангардной поэтике, сказалась в обращении к национальным истокам, к своеобразной русификации, десоветизации, тогда как предыдущий период ориентировался скорее на интернационализм. Советская интеллигенция снова как будто ищет свою идентичность. Этому способствуют новые поиски в художественной литературе («деревенская проза»), которые с середины 1950-х гг. постепенно развиваются, сначала в русле критики партийной бюрократии (Валентин Овечкин), потом — небрежного отношения к прошлому, что объясняется тягой к возобновлению народных истоков современной жизни (Владимир Солоухин и др.).

Журнал «Вопросы литературы» играет в это время и позднее особую роль в идейном развитии гуманитариев страны: он информировал о новых течениях западной философской мысли, пусть и не выходя за рамки ее критики, относительно объективной или же идеологически ангажированной. Однако даже в такой критике проскальзывают отблески самостоятельного мышления, при этом сдвиги в акцентах, постепенные, умеренные, наблюдаются *ex post* лишь в деталях, нюансах.

То, что Александр Янов избрал для дискуссии тему славянофильства, обусловлено несколькими причинами. Главными были философская и общественная, поскольку Янов стремился к своеобразной реабилитации славянофилов. Он прекрасно понимал, что самым эффективным и эффектным способом будет подражание характеру русской классики и литературной критики, т.е. литературе как пространству развития общественной мысли. Оппоненты справедливо упрекали его в том, что о критике он пишет здесь мало и слабо — речь у него идет прежде всего о философии и общественной позиции.

Мы не будем касаться работ по данной теме, а также вопроса о месте этой дискуссии в истории исследований славянофильства. Нас более интересуют тогдашние стратегии отдельных дискуссионтов. Янов в открывающей полемике заостренной статье⁷ критикует идеологический схематизм по отношению к славянофилам, ту точку зрения, что их якобы охранительные тенденции на самом деле — защита правящих сил. Он спорит с этим, приводя критическое мнение Фаддея Булгарина — представителя охранительного лагеря. Однако все не столь однозначно. Булгарин хоть и был агентом III отделения Тайной канцелярии Его Величества⁸, но подобных взглядов придерживались и другие: например, Пушкин был автором адресованного царю проекта о том, как предотвратить угрозу пагубных западных влияний в процессе воспитания молодежи. Для Янова это почти прямое доказательство того, что внутри славянофильских концепций народа и религии обнаруживается критическое зерно. Об этом ранее уже писали и другие.

В открывающей дискуссии статье Янова проблема литературной критики оборачивается вопросами, связанными с концепцией русской истории и русской мысли, а также с поисками связей с современностью, обретением новых путей или как минимум с переносом акцентов на переоценку идейных вдохновений. Основной мишенью полемики Янова является сугубо социологическая и даже марксистская оценка славянофилов как сторонников власти, почти тождественных охранительной критике. Он предлагает заново изучить наследие славянофилов, избегая при этом схематичной социологической критики:

⁷ А. Янов, *Загадка славянофильской критики*, «Вопросы литературы» 1969, № 5, с. 90–116.

⁸ Это обстоятельство официально стало известно только в начале 1900-х гг. благодаря книгам Михаила Лемке.

Неверная, бедная элементами социологическая модель действительности вела к неизмеримой глобальной ошибке в оценке политической ситуации и расстановки социальных сил. Вела к разрыву с реальной политической оппозицией, к невозможности союза с прогрессивными силами: союза, которого так безуспешно добивался от славянофилов Герцен. Такого рода религия «простого народа» зачеркивала интеллигенцию как позитивную силу и фатально вела в ряды ее главного противника — черной сотни, куда в конечном счете и привела она последышей славянофильства. Религия «народа», как и всякая религия, не могла удовлетвориться «отрицательным, отношением к жизни». Она требовала своего рая и земли обетованной, другими словами, своей позитивной программы. Славянофильство должно было выработать такую программу⁹.

Новаторской для того времени была именно критика недифференцированного социологического (читай: классового, марксистского) подхода. Еще более наглядно это выражено в конце статьи, где автор работает с понятиями «публика» и «общественность», исходя из разного понимания личности Печорина охранительными публицистами журнала «Маяк» и славянофилами:

Для славянофильской критики Печорин был отрицательным героем как наиболее точное воплощение порочной публики. Для «Маяка» он был отрицательным лишь постольку, поскольку являлся плохим представителем этой публики... [...] В этих героях, как в фокусе, сконцентрировалось существо обеих противостоящих национальных идеологий. Одна из них пыталась превратить национальное чувство в орудие укрепления деспотизма. Другая противопоставляла публике и ее официальному воплощению — государству — мощь и самодеятельность «простого народа»¹⁰.

В конце статьи Янов подытоживает: славянофилы представляли собой альтернативу официальной государственной идеологии, однако в сфере эстетической и литературно-критической позитивная программа славянофилов не могла, пусть и частично, не совпадать с этой идеологией. По мнению автора, разгадка здесь связана с вновь возникшим демократизмом и религиозным преклонением перед простым народом, их утопизмом.

Сергей Покровский считает загадку славянофилов мнимой¹¹. Его аргументы имеют рациональное зерно: он показывает, что

⁹ А. Янов, *Загадка славянофильской...*, с. 116.

¹⁰ Там же, с. 111.

¹¹ С. Покровский, *Мнимая загадка*, «Вопросы литературы» 1969, № 5, с. 117–128.

славянофилы достаточно исследованы; он демонстрирует, что избранные славянофилами попытки примирить господ с народом и предотвратить общую катастрофу, по сути, являются другим путем к той же самой цели, что и у охранительной критики. Ссылаясь на Ленина, Покровский советует не изменять классовому подходу.

Борис Егоров, напротив, согласен с Яновым в том, что к проблеме славянофилов необходимо вернуться, что там еще много неразгаданного. Закат славянофильства связан с концом николаевской эпохи, когда оказались подорванными основы славянофильства, а именно: надежда на возрождение патриархального строя¹².

Александр Дементьев настроен по отношению к Янову скорее скептически. Упрекая его в игнорировании многих работ по данной теме, Дементьев подытоживает, что идеализация славянофилов, их философии и идей самобытности, патриотизма и негативного отношения к Западу, их народности и народолюбия ничего, кроме вреда, не принесли¹³. Автор таким образом коснулся истоков большевизма и советского строя, связанных с западным марксизмом, напрямую зависящем от развития и критики капитализма.

Анатолий Иванов, наоборот, вслед за Яновым считает проблему славянофильства неразрешенной и, что самое важное, указывает на то, что у славянофилов были последователи, разумеется, не называя большевиков. Он подчеркивает и то, что немногим позднее Сергей Аверинцев в применении к эллинизму и римскому миру назвал экзотеризмом и эзотеризмом, связывая славянофилов с типичным для Востока эзотерическим подходом. Иванов, однако, предлагает выбрать средний путь между крайностями вульгарного социологизма и абстрактного, внеисторического взгляда¹⁴.

Леонид Фризман борется за так называемую «научную объективность», утверждая, что для пересмотра оценки славянофилов нет оснований, принимая, таким образом, сторону Покровс-

¹² Б. Егоров, *Проблема, которую необходимо решить*, «Вопросы литературы» 1969, № 5, с. 135.

¹³ А. Дементьев, «Концепция», «конструкция» и «модель», «Вопросы литературы» 1969, № 7, с. 129.

¹⁴ А. Иванов, *Отрицательное достоинство*, «Вопросы литературы» 1969, № 7, с. 129–137.

кого¹⁵. Дискуссия продолжается в №№ 10 и 12 за 1969 г. Евгений Маймин высказывается за конкретные исследования и строго исторический подход¹⁶. Вадим Кожин, напротив, указывает на главное в наследии славянофилов, а именно:

[...] самый существенный признак направления, которое именуется славянофильством, состоит вовсе не в любви к славянам, а в утверждении принципиальной самобытности исторических судеб и культуры русского народа — в сравнении с Западом и с Востоком¹⁷.

Кожин точно уловил двойственность проблемы в ее историческом и современном аспектах: он не просто понимал подлинное значение этой дискуссии, но и, пусть даже частично, предвосхитил будущее славянофильской идеологии в рамках русской мысли конца XX — начала XXI вв. Он указывает на то, что славянофилами долго не признавалась неизбежность развития капитализма в России, и одновременно западники не смогли предвидеть, что будущее развитие России все же пойдет по пути, отличному от западноевропейского¹⁸. Кожин первым подчеркивает важность стержневого значения философии славянофилов. В его статье демонстрируется ключ к разгадке одновременно славянофилов и западников — «двуликий» Петр Яковлевич Чаадаев, о личности которого Кожин полемизирует с Дементьевым. Значение славянофилов и причину современных споров о них он видит в следующем:

Самобытное русское мышление, которое, по мнению славянофилов, опиралось, в отличие от западного, не на аристотелевскую, а на платоновскую традицию, представляло, с их точки зрения, необходимую, главную и исключительно ценную реальность русской культуры¹⁹.

Славянофилы, по его мнению, не столько хотели возвращаться к прошлому в смысле архаизации русской жизни, сколько стремились вновь обрести духовные ценности, измерения, утраченные на «западном» пути.

¹⁵ Л. Фришман, *За научную объективность*, «Вопросы литературы» 1969, № 7, с. 138–152.

¹⁶ Е. Маймин, *Нужны конкретные исследования*, «Вопросы литературы» 1969, № 10, с. 103–112.

¹⁷ В. Кожин, *О главном в наследии славянофилов*, «Вопросы литературы» 1969, № 10, с. 113.

¹⁸ Там же, с. 117.

¹⁹ Там же, с. 127.

Василий Кулешов, позднее автор статей и отдельной книги о славянофильстве²⁰, подчеркивает, что данная тема является важной и своевременной. Однако, ссылаясь на Ленина, он обращается скорее к художественной деятельности славянофилов, возвращаясь к пресловутому марксистскому тезису, что славянофилы привнесли эстетическую ценность вопреки своей ретроградной философии²¹. Сергей Дмитриев вновь настаивает на необходимости исторического подхода²², Александр Янов отвечает оппонентам²³, а Семен Машинский подводит итоги дискуссии²⁴. Последний вернулся к опыту Ленина и революционных демократов, объясняя самобытность славянофилов конкретной обстановкой, указывая на историческую обусловленность этих учений, в том числе революционно-демократического и ленинского, которые реагировали на сложившиеся общественные институты. Хотя выводы, к которым пришел Машинский, были компромиссными, — критиковалась односторонность концепции славянофильства как реакционного направления и одновременно утверждалось, что «наука не терпит суеты и конъюнктурно-торопливых решений»²⁵ (вероятно, имелась в виду актуализация наследия славянофилов), — все же дискуссия в целом выявила остававшиеся в тени связи славянофилов с Чаадаевым и революционными демократами. Они явились своеобразным лакмусом при рассуждениях о специфике русской мысли и русского развития.

Дискуссия продолжится через почти четыре года. В третьем номере журнала за 1973 г. публикуется подборка мнений о «деревенской прозе» в ее социологическом аспекте²⁶, а в разделе *История литературы* начинается дискуссия о наследии рево-

²⁰ В.И. Кулешов, *Славянофилы и русская литература*, Художественная литература, Москва 1976.

²¹ В. Кулешов, *Славянофильство, как оно есть*, «Вопросы литературы» 1969, № 12, с. 131–144.

²² С. Дмитриев, *Подход должен быть конкретно-исторический*, «Вопросы литературы» 1969, № 12, с. 73–84.

²³ А. Янов, *Ответ оппонентам*, «Вопросы литературы» 1969, № 12, с. 85–102.

²⁴ С. Машинский, *Славянофильство и его истолкователи (Некоторые итоги дискуссии)*, «Вопросы литературы» 1969, № 12, с. 103–140.

²⁵ Там же, с. 140.

²⁶ Ш. Галимов, *Художественность, социология, жизнь*, «Вопросы литературы» 1973, № 3, с. 45–55; Ю. Галкин, *Деревня — литературная и подлинная*, «Вопросы литературы» 1973, № 3, с. 56–61; С. Шургаков, *Живой человек, а не общие цифры*, «Вопросы литературы» 1973, № 3, с. 62–70; Л. Иванов, *Видеть сегодняшний день*, «Вопросы литературы» 1973, № 3, с. 71–78.

люционных демократов и современности, где все возвращается на круги своя. В статьях Бориса Егорова²⁷ и Геннадия Соловьева²⁸ хоть и говорится о «бессмертной мысли», но одновременно показывается историческая ограниченность революционных демократов по отношению к текущей литературе, связанная с их радикальным позитивизмом²⁹.

Казалось бы, наследие революционных демократов как последователей западников должно было сыграть противоположную роль в связи с попыткой «реабилитировать» славянофилов, но это не вполне так. Главной целью дискуссии было продемонстрировать с помощью исторического анализа известный дуализм русской мысли и преодолеть оценочные схемы, связанные с чрезмерно односторонним видением революционных демократов как прямых предшественников русского марксизма и ленинизма.

Обе дискуссии — на фоне сдвигов в текущей советской, причем не только русскоязычной, литературе по направлению к деревенской теме, к прошлому, к мифу — открывали новые пути, горизонты и измерения для иного соотношения, не в пользу официального взгляда, акцентирующего лишь западническую линию. Это открывало двери не только русской специфике, самобытности, но и русскому философскому идеализму, религиозной философии, разумеется, в скрытой, имплицитной форме, двуликому образу России с ее дихотомией, как она представлена, например, в творчестве Николая Бердяева — а следовательно, появлялась альтернатива развития, возможность критиковать однозначность в оценках пройденного пути.

²⁷ Б. Егоров, *Перспективы, открытые временем*, «Вопросы литературы» 1973, № 3, с. 112–135.

²⁸ Г. Соловьев, *Страница бессмертной мысли*, «Вопросы литературы» 1973, № 3, с. 136–161.

²⁹ Именно так, с точки зрения скрытой феноменологии, анализировал революционных демократов чешский философ и русист Зденек Матхаузер (Zdeněk Mathauser, 1920–2007) — см.: Z. Mathauser, *O umělecké specifčnosti v sovětské literatuře*, SPN, Praha 1956; Kolektiv autorů, *Umění a skutečnost. Kritické rozhledy*, Československý spisovatel, Praha 1976; автором концепции и большинства текстов сборника *Umění a skutečnost* был именно Матхаузер — об этом см.: I. Pospíšil, *Zdroje vidění Zdeňka Mathausera* // I. Pospíšil, J. Zouhar (ред.), *Literatura a filozofie (Zdeněk Mathauser). Kolektivní monografie*, Katedra filosofie, Ústav slavistiky FF. MU, Brno 2008, с. 131–141; того же, *Заметки по поводу некоторых чешских теорий символа, в особенности в литературоведении*, «Миргород» 2014, № 2 (4), с. 37–47.

СОВЕТСКИЕ ЖУРНАЛЬНЫЕ ДИСКУССИИ...

Спорным остается, было ли это настоящей целью дискуссионтов — по крайней мере некоторых, чья последующая карьера складывалась по-разному. Кажется очевидным, что дискуссия на страницах ведущего официального журнала не могла бы развернуться без санкции политических органов, что, вероятно, свидетельствует о поисках в тогдашних правящих кругах. К чему эти поиски привели в 80–90-е гг. XX в., нам уже известно, то, с чем все это окажется связанным в будущем, пока покрыто дымкой неизвестности.

Ivo Pospíšil

DYSKUSJE NA ŁAMACH CZASOPISM RADZIECKICH
W KOŃCU LAT 60. I NA POCZĄTKU LAT 70. XX W. JAKO ZNAK CZASÓW

Streszczenie

W artykule została podjęta próba omówienia struktury i charakteru dwóch dyskusji (o słowianofilach i rewolucyjnych demokracjach), które toczyły się na łamach czasopisma „Woprosy Literatury” w końcu lat 60. i na początku lat 70. XX w. W rezultacie tych dyskusji oceny okcydentalistycznego i słowianofilskiego nurtu myśli rosyjskiej zostały zrównoważone. Rehabilitacja słowianofilstwa, która nastąpiła dzięki tzw. prozie wiejskiej, umożliwiła powrót do tematu filozofii idealistycznej. Chociaż omawiana tendencja nie była wyrażona *explicite*, nie mogłaby zaistnieć bez zgody organów politycznych, co z kolei świadczy o poszukiwaniach ideologicznych w kręgach ówczesnej władzy.

Ivo Pospíšil

THE SOVIET JOURNAL DISCUSSIONS AT THE END OF THE 1960s
AND AT THE BEGINNING OF THE 1970s AS A SYMPTOM OF THEIR TIME

Summary

The author of the present study tries to analyse the structure and character of the two discussions (on Russian Slavophiles and revolutionary democrats) which proceeded on the pages of the journal “Voprosy literature” (Problems of Literature) at the end of the 1960s and at the beginning of the 1970s. In the study the author demonstrates the shifts towards the twofold shape of Russian thought, towards philosophical idealism and the contact with the current development of the Soviet so-called “village literature”. Though this tendency seemed to be rather hidden, concealed, it could not take place without the consent of political authorities which manifested the ideological searching even in these ruling circles of that time.